

18+
МИНУЛА ВАХИТОВ

АЛГОРИТМ РАЗУМА

Минула Вахитов

Алгоритм разума

«Издательские решения»

Вахитов М.

Алгоритм разума / М. Вахитов — «Издательские решения»,

Учёный сжёг свой мозг, чтобы спасти сестру. Но смерть оказалась лишь переходом в мир, где его разум — единственное оружие.

© Вахитов М.

© Издательские решения

Содержание

Annotation	7
Алгоритм Разума	8
Глава 1	9
ДА / ДА	11
ГЛАВА 1. Мясо, ржавчина и первый выбор	12
ГЛАВА 2. Формула выживания на двоих	15
ЩЁЛК-БАХ!	18
ГЛАВА 3. Алгоритм для мёртвой машины	19
ГЛАВА 4. Рождение живого металла	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алгоритм разума

Минула Вахитов

© Минула Вахитов, 2026

ISBN 978-5-0071-3178-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

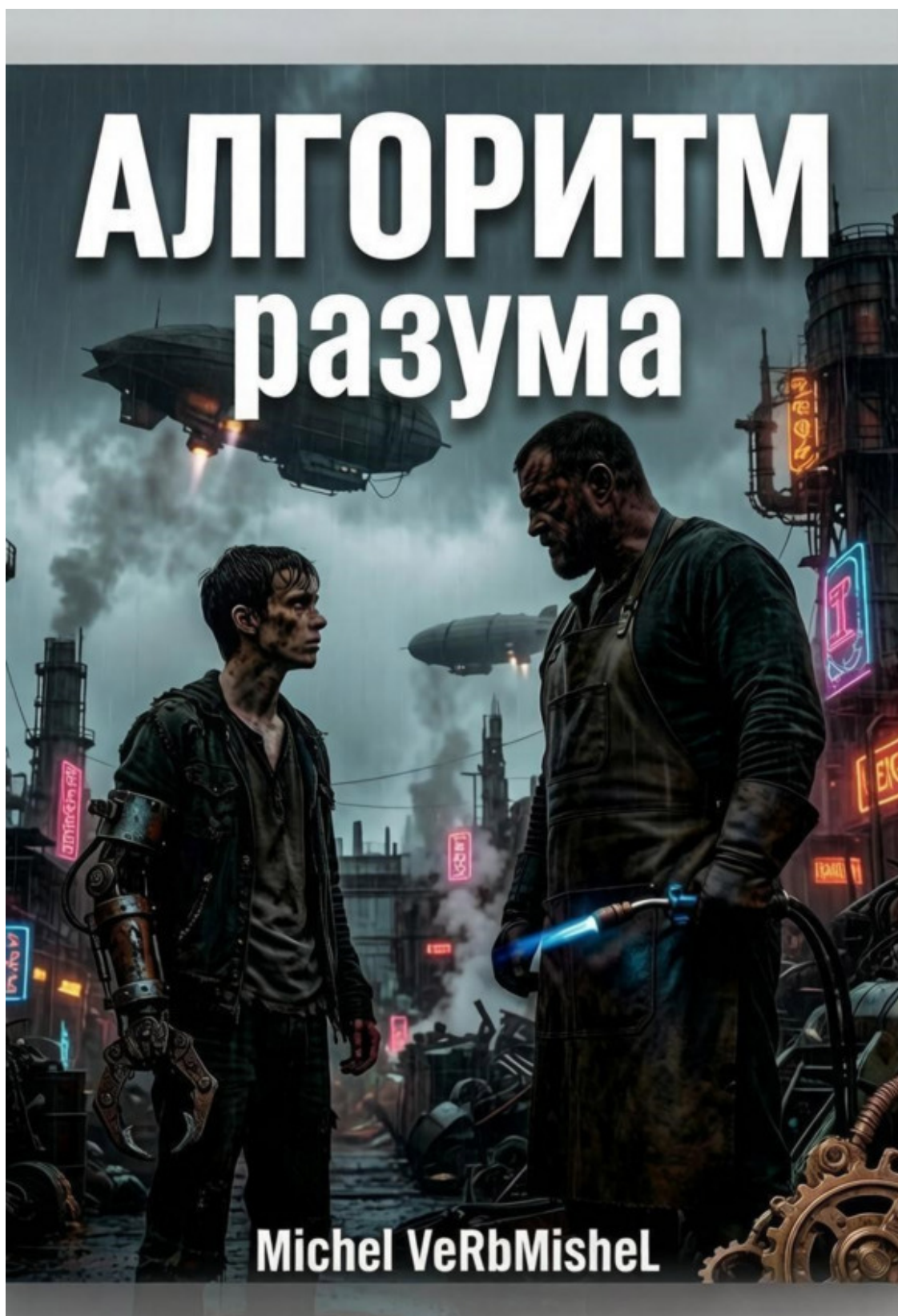

Table of Contents

Annotation

Учёный сжёг свой мозг, чтобы спасти сестру. Но смерть оказалась лишь переходом в мир, где его разум — единственное оружие.

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Таблица персонажа

Алгоритм Разума

Глава 1

ПРОЛОГ. Уравнение угасающего пульса

Холоднее всего в реанимации детского хосписа был не воздух, пропахший озоном и хлоркой. Холоднее всего были цифры на мониторе.

Пульс: 42. Сатурация: 78%. Прогноз активности коры: 0,04%.

Ярослав сидел у стеклянного бокса, сжимая в кармане потрёпанную бумажную фигурку журавлика — Анечка складывала их сотнями, ещё когда могла шевелить пальцами. Костяшки были стёрты до мяса о клавиатуру нейротерминала: три дня без сна оставляют такие следы. Двадцать восемь лет, один из лучших прикладных биоматематиков страны — человек, строивший модели регенерации тканей для чужих детей. Собственные формулы разбились о диагноз сестры.

Синдром распада миелина. Неизлечимо. Система здравоохранения списала Анечку раньше, чем он успел это осознать: койку в терминальном отделении, отключенные препараты поддержки — «нерациональное расходование квоты».

«Это нерационально, Ярослав Львович, — сказал главврач три дня назад, разглядывая что-то на своём столе, только не его лицо. — Шанс ремиссии — ноль целых три сотых процента. Мы не сжигаем бюджет клиники ради статистической погрешности».

Мир жил по законам выхолощенной логики выгоды. Ярослав ненавидел эту логику — не абстрактно, а предметно: чиновников, регенеративные капсулы для чужих любовниц, пока за соседней стеной умирали дети. Но сильнее всего он ненавидел собственное бессилие.

— Яр... — тонкий хриплый шёпот пробился сквозь писк приборов.

Ярослав вздрогнул, поднял воспалённые глаза. Анечка приоткрыла веки. Кожа стала почти прозрачной, вены под ней синели. Правая рука уже не двигалась — нервные волокна отмерли на прошлой неделе.

— Я здесь, солнышко. Я с тобой.

— Мне снились бабочки, — губы едва шевелились. — Железные. Но летают. Я тоже смогу летать, когда усну?

— Ты не уснёшь. — Голос дрогнул. Он до крови прикусил губу, чтобы не разрыдаться при ней. — Слышишь? Я почти закончил. Алгоритм готов. Я заставлю твои клетки восстановиться.

Он лгал. Алгоритм был готов на девяносто восемь процентов. Чтобы замкнуть формулу биосинтеза, не хватало вычислительной мощности — нужен был суперкомпьютер Института Генетики, куда его больше не пускали за «самоуправство». Оставался только украденный из лаборатории прототип «Атлант-9» — экспериментальный шлем прямой квантовой связи с сервером.

Проблема была фатальной: чтобы дотянуть расчёт до ста процентов, требовалось подключить процессор шлема к живому мозгу в режиме критического разгона. Цена — выгорание синапсов носителя за три минуты.

Уравнение с одной неизвестной: чья жизнь имеет ценность.

Разум нашёптывал привычное: ты учёный, если выживешь — спасёшь тысячи в будущем; жертвовать собой ради безнадёжного ребёнка иррационально, это эмоция, это ошибка в расчёте.

Ярослав посмотрел на худую руку сестры, судорожно сжимавшую край простыни. По щеке Анечки скатилась одна слезинка.

— К чёрту, — прошептал он. Слёзы текли и по его лицу тоже, но в глазах было что-то, для чего у сухой земной логики не находилось формулы. — К чёрту ваш расчётливый мёртвый

мир. Любовь — не ошибка в коде. Это единственная аксиома, ради которой вообще стоило собирать эту вселенную.

Он надел тяжёлый металлический обруч шлема. Гибкую иглу нано-инъектора дрожащей рукой ввёл в подключичный катетер сестры.

— Яр? Что ты делаешь?

— Считаю бабочек, маленькая. Закрой глазки.

Щелчок тумблера.

Внимание: зафиксировано прямое нейроподключение. Биотоки перегружены на 400%. Некроз тканей — через 180 секунд.

Боль пришла не сразу. Сначала — ослепительно белый свет. Потом череп будто раскроили раскалённым топором.

Синхронизация: 98,1%... 98,6%...

Триллионы математических цепочек развернулись перед внутренним взором. Он сам стал вычислительным ядром, видел каждую разрушенную клетку в теле сестры и с яростью переписывал код мутации.

99,2%...

В носу запахло палёным. Из ушей и глаз хлынула кровь, сосуды лопались один за другим, сердце срывалось в фибрилляцию.

«Дурак, — закричал внутри мерзкий, ледяной голос собственного эго, инстинкт самосохранения. — Остановись! Оборви связь! Сдохнешь в грязи, а мир даже не заметит!»

— Заткнись, — прохрипел Ярослав сквозь кровавую пену. — Ты ничего не понимаешь в разумности.

Он не просто отдавал жизнь. Он решал главную задачу: победить энтропию ради того, кого любил.

100,0%. Синтез завершён. Передача в нано-инъектор... введено.

Кардиомонитор Анечки сбился, потом выровнялся.

Пульс: 75. Сатурация: 99%. Нейрогенез: активирован.

Девочка глубоко вздохнула. По щекам разлился живой румянец. Она спала. Она будет жить.

Ярослав улыбнулся окровавленными губами и уронил журавлика ей на подушку.

«Получилось», — подумал он.

А потом его мозг взорвался.

Физической смерти, однако, не случилось. Разгон процессора, помноженный на предел человеческого упрямства, породил аномалию: сознание не рассеялось, а пробило сингулярность между мирами.

Миллиарды измерений сжались в точку. Свет стал массивом данных.

В пустоте перед гаснущим сознанием проступили символы — не из земного алфавита, но смысл читался сам собой, обрывками, будто система на том конце едва держится:

Сбой матрицы первичной реальности.

Субъект: Воронов, Ярослав.

Зафиксирован парадокс: жертва вопреки закону энтропии.

Интеллект перегружен. Душа... отвязана.

Поиск аватара в смежных мирах...

Найден реципиент. Мир «Пангея Разлома». Статус носителя: умирающий биоматериал.

Вектор развития — «РАЗУМНОСТЬ».

Внимание: ваши слабости и дурные мысли будут материализованы как Внутренний Конфликт.

Решить уравнение бытия заново?

ДА / ДА

Других вариантов не было даже на вид.

— Да, — беззвучно ответила душа, проваливаясь в ледяную бездну.

ГЛАВА 1. Мясо, ржавчина и первый выбор

Боль.

Не чистая и абстрактная, как в момент сгорания синапсов на Земле, — эта была липкой и унижительной, воняла протухшим жиром, машинным маслом и разлагающейся плотью.

Ярослав открыл глаза и тут же закашлялся, захлёбываясь едкой жижой.

Он лежал на куче металлолома под серым, затянутым смогом небом. Мимо лениво проплывал дирижабль с гербом — скрещённые меч и шестерня.

— Смотри-ка, отброс ещё дышит, — раздался сверху прокуренный голос.

Он попытался опереться на правую руку — руки не было. Вместо неё к плечевому суставу на ржавых болтах и почерневших медных трубках был прикручен уродливый гидравлический манипулятор. Из-под металла сочилась сукровица вперемешку с чёрным гноем. Культия горела — тело отторгло кустарный протез, гангрена шла полным ходом.

Чужая память хлынула разом. Новое тело звали Яр, семнадцать лет, младший бастард обедневшей ветви клана Северских, лишённый родового магического Источника — «пустышка». Неделю назад законный наследник клана отрубил ему руку за «дерзкий взгляд», прикрутил ржавый обрубок железа и выбросил на Свалку Очистки — сдыхать от заражения крови.

Перед ним стояли двое. Один — здоровенный громила в кожаном фартуке утилизатора, с плазменным резаком в руке. Второй — мелкий, скрюченный старик без обеих ног, привязанный к железному столбу неподалёку; в его единственном глазу горел какой-то нездешний, упрямый огонёк.

— Слышь, образина, — громила пнул Яра сапогом в рёбра. Хруст, лёгкие обожгло болью. — Протез из хромовой стали третьего сорта, на три пайки потянет. Сдашь по-хорошему — срежу быстро. Дёрнешься — срежу с плечом и скорблю псам Разлома.

В кармане истлевших штанов нащупался твёрдый брикет — сухой концентрат, украденный вчера у мёртвого бродяги. Единственный ресурс, который мог продлить агонию ещё на сутки.

Внутри взорвался чужой, ядовитый шёпот:

«Убей его! Он бастард, но дворянин! Всади пальцы в горло, загрызи зубами — не унижайся!»

Перед глазами вспыхнуло рваное, мигающее окно — будто сигнал ловится через помехи:

Моделирование: ветка «импульс».

Действие: атаковать утилизатора остатками сил.

Вероятность победы: 0,01%.

Результат: резак пробивает грудную клетку. Смерть через 12 секунд. Нерационально.

Мир на мгновение будто замер. Ярослав заставил себя вдохнуть, несмотря на сломанное ребро.

«Нет. Гнев — это налог на глупость. Какие тут вообще условия задачи?»

Он просканировал обстановку тем, что осталось от разума. Громила — сильнее физически на порядок, вооружён, но дышит с хрипом: легочный свищ, профессиональная болезнь мусорщиков. Старик у столба — на разодранной робе едва виден полустёртый знак Гильдии Биоинженеров-Протезистов, под ногтями следы изолирующей пасты. Не бродяга — мастер, брошенный сюда умирать. В кармане — один брикет концентрата. Собственное тело — до сепсиса и смерти мозга часа четыре, может меньше.

«Мне не нужен этот ржавый протез — он меня травит. Мне нужен специалист, который остановит заражение. И нужно, чтобы громила не убил меня раньше».

Ярослав медленно, сквозь боль, поднял здоровую левую руку. Не сжал в кулак — раскрыл ладонь.

— Режь, — сказал он хрипло, стараясь, чтобы голос не сорвался. Получилось не идеально ровно, но достаточно, чтобы сойти за спокойствие.

Громила опешил — привык к мольбам или к безумным предсмертным броскам, а не к этому.

— Чо, самый умный? — пробасил он, опуская резак к шарниру.

— Режь по третьему крепёжному кольцу, — размеренно произнёс Яр. — Повредишь магистраль охлаждения — ожог плазмой четвёртой степени, себе. Ты дышишь через раз, у тебя свищ в правом лёгком. Доза паров фреона из манипулятора убьёт тебя на месте отёком.

Громила замер, глазки округлились суеверным ужасом.

— Ты... откуда знаешь, гнида?

— Предлагаю сделку. — Яр вытащил брикет. — Срезаешь аккуратно, забираешь протез и половину пайка. Вторую половину не трогаешь. Взамен я не закорачиваю батарею манипулятора тебе в лицо, когда наклонишься.

Старик у столба хрипло рассмеялся:

— А парень-то зрит в корень, Хрящ! Просчитал тебя, как дешёвый арифмометр!

Жадность боролась в громиле со страхом перед этим спокойным, слишком спокойным взглядом.

— Давай жратву, — буркнул он, убавляя мощность резака.

Через две минуты раскалённый металл с шипением отделился от плеча. Боль была чудовищной — Яр до крови прокусил губу, но не издал ни звука. Гной и кровь хлынули на ржавые листы, зато ядовитый свинец протеза больше не травил кровь.

Громила схватил железо, вырвал половину пайка и скрылся в завалах, то и дело оглядываясь.

Ярослав остался лежать. Из культи хлестала кровь. До потери сознания — меньше минуты.

«Второй шаг уравнения».

Он пополз к столбу, где сидел старик, и бросил ему оставшуюся половину пайка на колени.

— Ешь, — выдохнул он.

Старик уставился на еду, потом на культю.

— Зачем? Ты умираешь, щегол. Концентрат тебе самому нужнее был.

— Мне нужен не концентрат. — Губы побелели. — Мне нужны твои пальцы. Ты артефактор Гильдии. На поясе у тебя обломок биоскальпеля. Очисти рану, пережми артерию по схеме анастомоза. Выживу — уйдём со Свалки вместе. Нет — концентрат твой. Это честный обмен.

Старик замер. В его единственном глазу мелькнуло что-то, давно забытое — уважение.

— Рациональный, значит, — он криво усмехнулся, вытаскивая из лохмотьев осколок синего лезвия. — Давно не встречал на помойке людей с мозгами вместо дерьма. Держись. Будет больно.

Когда лезвие вошло в гниющую плоть, перед гаснущим взглядом Ярослава проступили нестройные, но узнаваемые строки:

Уравнение решено: выбор «Разумность».

Устранены переменные: мгновенная гибель, токсический шок.

Приобретено: союзник (мастер-механик), первичная стабилизация раны.

[Разум] повышен: 10 → 12.

Открыт навык: Анализ переменных (ранг 1).

Регенерация: 1%...

Ярослав провалился в темноту. Это была не смерть — но и не победа. Просто следующая строчка уравнения, которое ещё предстояло решить.

ГЛАВА 2. Формула выживания на двоих

Сознание вернулось не сразу, а рывками — будто кто-то дёргал рубильник, то включая свет, то выключая его. Первым пришёл звук: глухие удары сердца, отдающиеся прямо в висках, как будто там, под кожей, кто-то бил в барабан. Потом — запах. Жжёный сахар, машинное масло и что-то резкое, металлическое, бьющее в нос, — озон.

Ярослав открыл глаза. Токсично-серое небо, которое он видел последним, сменилось ржавым потолком из рифлёного железа, покрытого пятнами старой копоти.

Он лежал на куче ветоши внутри перевёрнутого грузового контейнера. Плечо больше не жгло лихорадочной гнилью — вместо этого его туго стягивал металлизированный жгут, а сам срез был залит застывшей прозрачной массой, похожей на эпоксидную смолу. Сквозь неё едва заметно пульсировали тонкие синие прожилки, будто под кожей кто-то проложил провода.

— Оклемался, математик?

Голос донёсся из тёмного угла — хриплый, надтреснутый, как несмазанная петля.

Старик сидел на самодельной платформе с подшипниками вместо колёс, ловко орудуя трёхпалым механическим манипулятором вместо левой кисти. Перед ним, на перевёрнутой бочке, стояла примитивная спиртовка, а над ней в закопчённой стеклянной колбе булькала мутная бурая жидкость.

Ярослав попытался сесть. Тело откликнулось слабостью, тянущей, как вязкая патока, но туман сепсиса из головы ушёл. Мысли снова стали чёткими — и в это же мгновение перед глазами развернулась знакомая полупрозрачная сетка интерфейса.

[СТАТУС НОСИТЕЛЯ: СТАБИЛИЗАЦИЯ] Имя: Ярослав (Яр) Состояние тела: Критическое истощение (14%) Некроз тканей: Остановлен Интеграция био-геля: 4% (Требуется энергия) Энтропия Мышления: 18% (Норма) Запас сил: 22/100

— Меня зовут Демьян, — старик бросил ему пробирку с бурой жижей, не глядя, но точно в руки. — Пей. Экстракт из печени шлаковых крыс. Вкус как у дерьма демона, зато гемоглобин за двадцать минут поднимет. Ты почти литр крови потерял, парень.

Ярослав, не колеблясь, поднёс пробирку ко рту и выпил залпом. Вкус и правда был отвратительным — горьким, с металлическим послевкусием, от которого свело челюсть. Но рвотный рефлекс он отсёк сразу, как отсекал всё лишнее: вкусовые рецепторы — это просто датчики, а датчики не имеют права голоса, когда речь о выживании. По пищеводу разлилось обжигающее тепло, будто он проглотил уголёк.

— Спасибо, Демьян, — Ярослав вытер губы тыльной стороной здоровой руки. — Твоя работа по культе... ювелирная. Ты использовал остатки нейроголя седьмого поколения. Откуда он у тебя на Свалке?

Демьян замер. Единственный уцелевший глаз сузился, блеснув из-под седых кустистых бровей.

— Ты слишком много понимаешь для щенка, которого выкинули на помойку. Я узнал клеймо на твоей лопатке. Бастард клана Северских, да? Не оправдал надежд благородных господ?

— Я позволил эмоциям управлять решением, — ровно ответил Ярослав. — Это была ошибка. Она не повторится.

— Хех. Не повторится у него, — старик горько усмехнулся и отвернулся к своей спиртовке, будто разговор был закрыт. — Ты выиграл нам пару часов, парень. Но радоваться рано. Гель заблокировал некроз, но без Магического Катализатора твоя плоть начнёт отторгать запечатанные нервы часов через шесть. А дальше — ампутация по ключицу. И смерть следом. А мне без ног отсюда всё равно не выбраться.

— Значит, задача ясна, — Ярослав поднялся на ноги. Контейнер качнулся перед глазами, но он устоял, упёршись здоровым плечом в стену. — Что нужно для стабилизации?

— Энерго-узел, — Демьян ткнул железным пальцем в грубо нацарапанную на стенке контейнера карту. — В полукилометре отсюда, на Секторе-4, вчера рухнул разведывательный автожир клана Разумовских. Мародёры туда ещё не добрались — фонит остаточная магия, да и шлаковые псы там бродят стаями. В двигателе стоит мифриловый преобразователь. Достанешь его — я не просто плечо тебе залатаю. Выращу био-механический каркас, способный проводить магию сквозь металл.

Ярослав прищурился.

— Но есть переменная, о которой ты молчишь.

Демьян хмыкнул, невесело, одними уголками губ.

— У автожира ещё жива система периметра. Турель «Град-2». Реагирует на тепло и движение. Подойдёшь ближе тридцати метров — порежет на фарш за полторы секунды.

Договорить он не успел. Снаружи, за стенкой контейнера, раздался тяжёлый скрежет металла и приглушённые голоса.

— ...говорю тебе, Гвоздь, он сюда пополз! — прохрипел знакомый бас утилизатора Хряща. — Тот сопляк отдал старику пайку! У калеки точно есть тайник — концентрат, запчасти, всё там!

— Если соврал, Хрящ, я твои лёгкие на фильтры пушу, — ответил второй голос, тонкий и дребезжащий, как ржавая струна, источающий неприкрытую жестокость в каждом слове. — Вскрывай консерву.

Демьян побледнел так резко, что стало видно, какой пепельно-серой была его кожа под слоем сажи. Руки судорожно потянулись к обрезку ржавой трубы, прислонённому к стене.

— Проклятье... Это Гвоздь. Бригадир нижних мусорщиков. У него имплант глаза с тепловизором и пневматический дробовик. Мы в ловушке, парень. Выхода нет.

В голове Ярослава зашевелился знакомый чёрный шёпот — тот, что всегда приходил в такие минуты, вкрадчивый и ядовитый:

«Вот и всё, — злорадствовал внутренний голос страха. — Калека без магии. Вас забьют насмерть в этой жестянке. Возьми трубу. Выбей дверь. Умри в ярости — хоть одного заведи с собой».

Перед глазами тут же вспыхнула проекция:

[МОДЕЛИРОВАНИЕ СИТУАЦИИ: ВЕТКА «ОТЧАЯНИЕ»] Действие: Прямой прорыв через дверь с трубой. Противодействие: Дробовик Гвоздя (картечь). Вероятность успеха: 1.2% Результат: Дробь сносит черепную коробку. ИТОГ: СМЕРТЬ.

Отставить панику. Ярослав заставил дыхание выровняться, хотя сердце колотилось где-то в горле. Любая критическая ситуация — это система с граничными условиями. Значит, нужно просто изменить баланс сил, а не сражаться с ним напрямую.

Он обвёл контейнер взглядом — быстро, цепляясь за каждую деталь, как утопающий цепляется за обломки.

Спиртовка, всё ещё кипящая техническим спиртом. Колба с летучим экстрактом — судя по запаху, высокое содержание органических спиртов и эфиров. У стены — три разряженных кислотных аккумулятора, остаточный заряд вольт на двенадцать, свинец и серная кислота внутри. Под ногами Демьяна — рассыпанная металлическая стружка, судя по блеску, магний с алюминием — остатки от старых протезов.

Снаружи — двое. Хрящ, тяжёлый и грузный, с плазменным резаком и присвистом в лёгких при каждом вдохе — старое ранение, не долеченное. И Гвоздь — тепловизор вместо глаза, пневмодробовик, привычка стрелять первым.

Их слабое место — тот самый тепловизор. И теснота перед дверью, где вот-вот станет очень горячо.

— Демьян, — прошептал Яр, но в голосе не было и тени паники, только сталь. — Не двигайся. Закрой лицо тканью. Дыши через неё.

— Что ты задумал?! Они засов через десять секунд срежут!

Ярослав не ответил. Слова здесь были бы лишней тратой времени.

Он схватил банку с металлической стружкой и одним движением высыпал её в кипящий спиртовой раствор колбы — жидкость тут же зашипела, забурлила гуще. Левой рукой опрокинул два аккумулятора и свёл их клеммы обрывком медного кабеля — во все стороны брызнули злые снопы искр, потянуло едким белым дымом. Последним движением он плеснул остатки спирта на массивную железную дверь — как раз туда, где с той стороны уже шипел, вгрызаясь в металл, плазменный резак Хряща.

— Эй, крысы! — крикнул он сквозь дверь, и голос его дрогнул нарочито, с точно отмеренной ноткой ужаса. — Не стреляйте! У нас три чипа памяти от боевых автоматов! Всё отдадим, только не убивайте!

— Ха! Я ж говорил — обгадились там! — заржал Хрящ по ту сторону.

— Отойди, Хрящ. Я дверь выношу, — коротко бросил Гвоздь.

Тяжёлый ствол пневматического дробовика просунулся в щель под дверью. Кибер-глаз Гвоздя выхватил сквозь неё огромное тепловое пятно — горящий спирт вперемешку с раскалёнными аккумуляторами — и вспыхнувший в мозгу алгоритм тут же решил: вот они, просители, сбились в кучу у самой двери.

Ошибка позиционирования. Ярослав уже вжимал Демьяна к полу, сам стоя сбоку от проёма, в той самой мёртвой зоне, которую высчитал секундой раньше.

БАМ!

Выстрел разорвал воздух. Тяжёлая картечь разнесла аккумуляторы в дребезги.

Но криков умирающих не последовало. Вместо этого — химия сделала своё.

Искры от выстрела и пламя спиртовки в одно мгновение подожгли взвесь магниевой пыли, паров эфира и того, что выплеснулось из вскрытых аккумуляторов.

БУУУМ!

Массивную дверь контейнера вырвало наружу волной объёмного взрыва.

Ярослав и Демьян лежали на полу, за стальной перегородкой, — взрывная волна прошла над их головами, а вся мощь ослепительной термобарической вспышки ударила прямо в лица тем, кто стоял снаружи.

— А-А-А! МОЙ ГЛАЗ! ГОРИТ! — заверещал Гвоздь, срываясь на визг.

Сверхчувствительный тепловизор, настроенный ловить малейшие перепады температуры в темноте, захлебнулся белой фосфорной вспышкой магния и буквально выжег зрительный нерв — прямо в мозг, без остатка.

Хряща отбросило волной на три метра, спиной на острые обломки балки. Повреждённое лёгкое такого удара не выдержало — мусорщик захрипел, заливаясь кровью из горла.

Ярослав вышел из клубов дыма, не торопясь, будто прогуливался.

Дробовик выпал из рук ослеплённого Гвоздя — тот катался по земле, вслепую сдирая с лица дымящийся пластик импланта.

— Убью... сожру... где ты, щенок?!

Ярослав не тратил времени на угрозы в ответ, на торжество, на слова вообще — эмоции на поле боя стоят секунд, а секунды здесь были дороже всего остального. Он подобрал тяжёлый пневмодробовик левой рукой, упёр приклад в культю правого плеча и нажал на спуск, направив ствол в грудь Гвоздя.

ЩЁЛК-БАХ!

Тело бандита дёрнулось и обмякло.

Хрящ, хрипя и отплёвываясь кровавой пеной, смотрел снизу вверх на семнадцатилетнего однорукого парня, стоящего среди дыма с дымящимся стволом в руке. В глазах Ярослава не было ни ярости, ни азарта убийцы — только холодная, почти скучающая законченность решённой задачи.

— Пожалуйста... — просипел Хрящ, кровь пузырилась у него на губах. — Я... просто жрать хотел...

— Ты нарушил условия нашей первой сделки, — спокойно произнёс Яр, глядя на него сверху, без ненависти и без жалости. — Стал фактором нестабильности. В моём уравнении выживания тебе просто не нашлось места.

Второй выстрел оборвал его дыхание.

На Свалке повисла звенящая тишина — только потрескивал догорающий магний да где-то вдалеке выл ветер в пустых коробках складов.

Из контейнера медленно выкатился на своей тележке ошарашенный Демьян. Он переводил взгляд с двух трупов на спокойного, будто ничего не случилось, юношу.

— Матерь Магии и Шестерён... — прошептал старик. — Ты уничтожил их без единой капли собственной маны. Их же оружием. Их же физикой против них самих.

Перед глазами Ярослава замерцали золотые системные строки.

[БОЕВОЙ РАСЧЁТ ОКОНЧЕН: БЕЗУПРЕЧНАЯ ПОБЕДА] Уничтожено противников: 2Эффективность расхода ресурсов: 94%

[НАГРАДА ЗА РАЗУМНОСТЬ] Получен опыт: +150 ЕХРУровень повышен: 1 # 2 [РАЗУМ]: 12 # 13 [ВОЛЯ]: 8 # 10

[ТРОФЕИ]:

Пневматический дробовик «Шершень» (3 заряда) Плазменный резак (батарея 12%) 4 концентрата высшего сортаЧип навигации Нижнего Города

Ярослав опустил оружие и повернулся к Демьяну. Взгляд зацепился за навигационный чип, торчащий из окровавленного кармана Гвоздя.

— У нас есть оружие, инструмент и карта, — сказал он, наклоняясь за трофеем. — До отторжения био-геля в плече осталось пять часов двадцать минут.

Он посмотрел в сторону горизонта, туда, где над горами металлолома медленно поднимался тонкий шлейф фиолетового дыма — там, где упал дворянский автожир.

— Пора идти за мифриловым сердцем, Демьян. А если на пути встанет боевая турель аристократов — что ж. Найдём ошибку в её алгоритме.

ГЛАВА 3. Алгоритм для мёртвой машины

Путь до Сектора-4 занял полтора часа — и каждая минута из этих полутора часов отдавалась в плече тупой, пульсирующей болью.

Тащить тележку со стариком на руках Ярослав не стал — быстро прикинул, что так он выдохнется вдвое быстрее и вдвое хуже среагирует, если что-то пойдёт не так. Вместо этого он соорудил тяговую упряжь из обрывков приводных ремней и троса от лебедки, перекинув её через здоровое левое плечо. Первые сотни метров ремень врезался в кожу так, что хотелось выть, но потом тело как будто смирилось, и боль ушла на задний план, превратившись в ровный, монотонный фон.

Пейзаж вокруг менялся, становясь всё более зловещим. Горы бытового хлама сменились циклопическими кладбищами тяжёлой индустрии — гигантские остовы шагающих экскаваторов торчали из земли, как рёбра древних чудовищ, между ними ржавели оплавленные бронеплиты танков времён Клановых Войн, а кое-где блестели целые озёра застывшего радиоактивного шлака, мутно-зелёные, будто кто-то разлил здесь ядовитый кисель.

Воздух здесь вибрировал — по-настоящему, физически. По коже то и дело пробегали тонкие фиолетовые искорки, оседая на волосках руки, будто кто-то водил над кожей заряженной расчёской. Свободная мана, вытекающая из разбитого реактора дворянской машины.

— Стой, — прошептал Демьян, вытянув механический палец вперёд. — Пришли.

Они замерли за гребнем из прессованных металлических кубов, и Ярослав невольно затаил дыхание.

В низине, пропахав в земле стометровую борозду, лежал клиновидный летательный аппарат — хищный, совершенный, из матово-чёрного титана с золотой инкрустацией. На бронированном боку красовался герб: серебряная сова, сжимающая в лапах пылающую молнию — знак Великого Дома Разумовских.

Кабина была разбита, хвост оторван напрочь. Из развороченного машинного отделения всё так же поднимался столб фиолетового ионизированного дыма, закручиваясь в спираль на ветру.

А на крыше фюзеляжа, мерно вращая сдвоенными стволами шестиствольных автопушек, хищно замерла турель «Град-2». Её рубиновый оптический сенсор непрерывно сканировал пространство по кругу, ни на миг не останавливаясь.

В радиусе пятидесяти метров вокруг автожира земля была буквально усеяна дымящимися телами шлаковых псов — уродливых двухметровых мутантов, чьи тела представляли собой жуткий симбиоз гниющего мяса и ввевшихся в кости металлических пластин. Турель срезала их с хирургической точностью, одного за другим, будто это была не бойня, а рутинная уборка.

— Дьявольская мясорубка, — слотнул Демьян, и в голосе его слышался неподдельный, застарелый страх. — Скорострельность — две тысячи в минуту. Патроны с урановым сердечником и рунической гравировкой кинетического удара. Никакая низкоранговая магия такой шквал не удержит.

Ярослав опустил на одно колено, разглядывая смертоносный механизм. Внутри тут же зашевелился знакомый тёмный шёпот.

«У тебя есть плазменный резак, — зашипела Тень. — Проползи под днищем, прожги броню изнутри. Быстро, дерзко. Или заберёшь мифрил, или сдохнешь как герой — а не как крыса в яме».

Перед глазами вспыхнула сетка просчёта.

[МОДЕЛИРОВАНИЕ: ВЕТКА «СКРЫТНЫЙ ПРОРЫВ»] Действие: Ползти по борозде под днище. Угроза: Сейсмические и акустические датчики. Реакция турели:

Срабатывание через 0.4 сек. ИТОГ: ТЕЛО РАЗОРВАНО НА 40+ ФРАГМЕНТОВ. СМЕРТЬ.

— Не пойдёт, — тихо сказал Ярослав, скорее себе, чем Демьяну. — Слепая смелость против автоматической системы — это не отвага, это глупость с красивым названием. Машина не знает страха и не устаёт. Но у неё точно есть слабое место, как у любой программы.

— Какое слабое место у армейского комплекса высшего класса, щегол? — прошипел старик. — Его лучшие умы Империи создавали!

— Вот именно, — Яр прищурился. — Его создавали для войны с разумными врагами и дикими тварями. А не с законами физики.

Он разложил на земле трофеи, снятые с трупов бандитов: пневмо-дробовик с тремя патронами, плазменный резак с двенадцатью процентами заряда, несколько хромированных пластин от брони мусорщиков, отрезок медного троса метров пятнадцать длиной.

— Демьян. На какой частоте работает сенсор турели?

Старик почесал механическим пальцем щетину на подбородке, соображая.

— Стандарт клана Разумовских... ультрафиолет плюс магический спектр Источника «Молния». А тебе зачем?

— А что будет, если в закрытый контур высокочастотного сканера прилетит сигнал обратной связи — зеркальное отражение его же собственного импульса?

Демьян замолчал на секунду, будто мысленно прокручивая схему, а потом его единственный глаз расширился.

— Защита от перегрузки матрицы... она ослепнет! На перезагрузку фотоэлементов уйдёт секунды четыре!

— Нам хватит трёх.

Дальше он объяснять не стал — просто начал действовать, а Демьян только успевал следить взглядом.

Сначала — акустика. Ярослав зарядил в дробовик кусок свинца, примотанный к остаткам батареи от плазменного резака, и выстрелил не в турель, а в подвешенный на тросе ржавый контейнер, метрах в сорока правее цели.

Удар. Грохот. Батарея взорвалась яркой синей дугой.

Турель дёрнулась и мгновенно развернула стволы вправо, обрушив на контейнер шквал огня — металл превратился в решето за пару секунд.

Пока пушки были отвёрнуты и жадно поливали свинцом пустоту, Ярослав рычагом из обрезка трубы метнул хромированную пластину прямо в сектор сканера — и одновременно бросил перед собой дымовой концентрат из технической пасты мусорщиков.

Сенсор турели поймал отражение собственной лазерной подсветки, усиленной искрами мана-дыма.

Щёлк.

Рубиновый глаз на башне погас, уходя в аварийный цикл очистки.

[ТАЙМЕР: 00:03.99... 00:03.00...]

— Вперёд, — выдохнул Ярослав, уже сорвавшись с места.

Он не побежал напролом — двигался зигзагом, петляя между заранее просчитанными мёртвыми зонами стволов, туда, где механические приводы физически не успевали опустить пушки до уровня земли.

[00:02.00... 00:01.00...]

Он долетел до развороченного фюзеляжа и нырнул под разорванную обшивку в тот самый миг, когда рубиновый глаз турели вспыхнул заново, а над головой с чудовищным воем срезало последние куски титанового листа — так близко, что обожгло щеку раскалённым воздухом.

Он был внутри.

В кабине пахло озоном, дорогой кожей и — почти неуловимо, но безошибочно — кровью. Свежей.

На полу разбитого салона, зажатая искорёженной гидравликой кресла, лежала девушка. На вид ей было не больше восемнадцати. Пепельно-серебряные волосы разметались по разорванному дворянскому мундиру, на тонком запястье слабо пульсировал защитный браслет из белого золота. Лицо было бледным как мел, а на бедре зияла рваная рана от осколка брони, из которой толчками уходила алая кровь — с каждым ударом сердца всё слабее.

Она была без сознания. Но пальцы её судорожно сжимали аварийный тумблер самоуничтожения реактора — будто даже в беспмятстве тело помнило: не отпускать.

А прямо за её креслом, в разрушенной переборке, пульсировал ослепительным синесеребряным светом кристалл размером с человеческое сердце, оплетённый нитями чистейшего мифрила.

Мифриловый Преобразователь Первоматерии. Вот он.

«Забери и беги, — взывала Тень внутри. — Она аристократка. Из-за таких, как она, тебя искалечили и выбросили на свалку. Перережь провода, оставь её — если очнётся, весь её клан сотрёт тебя в пыль просто за то, что ты дышал с ней одним воздухом».

Ярослав смотрел на умирающую девушку — и на миг, некстати, перед глазами всплыло совсем другое: белые стены, писк монитора, тонкая рука, теряющая тепло под равнодушным приговором врача «нерационально спасать».

Он тряхнул головой, отгоняя воспоминание.

Ненависть — иррациональная трата ресурса. Убить её — значит нажать врага в лице целого Дома, когда те явятся за пропавшим «чёрным ящиком». Спаси — значит ввести в уравнение переменную огромной и пока непонятной силы. Но живая переменная всегда лучше гарантированной войны.

Он опустился на колено рядом с княжной. Единственной рукой выхватил обломок биоскальпеля Демьяна и за три быстрых движения рассёк искорёженный металл кресла, освободив зажатую ногу девушки. Затем сорвал со своего пояса последний стерильный жгут и наложил давящую повязку на бедренную артерию — плотно, по всем правилам прямого пережатия, которым его когда-то учили.

Кровотечение стихло.

Девушка застонала, едва слышно. Веки дрогнули, и сквозь мутную пелену обморока на Ярослава на мгновение взглянули глаза невероятного, льдисто-фиолетового цвета.

— Кто... ты... — прошептала она пересохшими губами.

— Тот, кто решает твоё уравнение жизни, княжна, — глухо ответил он.

Больше он ей ничего не сказал — не было времени. Развернулся к мифриловому ядру, левой рукой перерубил кабели, питающие турель на крыше, и с силой вырвал светящийся артефакт из гнезда.

Ослепительная волна первородной маны ударила в его искалеченное тело — как будто под кожу залили расплавленный металл.

**[ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕН СВЕРХПРОВОДНИК МАНЫ] Объект: Мифриловый сердечник «Буря-7» Чистота структуры: 99.4% Биосовместимость: ПОЛНАЯ
[ЗАПУСК ЭКСТРЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПЛОТИ] Хотите ли вы интегрировать ядро в правую культю? ВНИМАНИЕ: БОЛЕВОЙ ПОРОГ ПРЕВЫШЕН НА 800% [ПРИНЯТЬ / ПРИНЯТЬ]**

Снаружи послышался глухой, раскатистый вой — десятки шлаковых псов, привлечённые запахом свежей крови и вспышкой маны, неслись к автожиру со всех концов Свалки.

— Демьян! — крикнул Ярослав, прижимая пылающий синим огнём мифриловый сердечник прямо к кровоточащему срезу правого плеча. Боль была такой, что на миг мир заволокло белым. — Готовь скальпель! Начинаем прямо сейчас!

— Ты с ума сошёл?! — заорал старик, вкатываясь в пролом фюзеляжа. — Без наркоза и стабилизатора поля твои нервы сгорят заживо!

— Мой разум сильнее боли, — прорычал Ярослав сквозь стиснутые зубы, и его глаза вспыхнули золотом Системы. — Сшивай!

ГЛАВА 4. Рождение живого металла

Боль пришла такая, что на миг весь мир сузился до одной точки — раскалённой добела, где кость встречалась с металлом. Ярослав заставил себя дышать через нос, коротко, рвано, и мысленно повторил себе то небольшое, что ещё держало его в сознании: это всего лишь сигнал. Электрический импульс, летящий по синапсам с частотой в сотни герц. Мозг просто ошибочно принимает его за команду к панике. Если знать это — можно перетерпеть что угодно.

— Блокировка афферентных путей, — процедил он сквозь зубы, чувствуя, как от каждого слова по челюсти прокатывается новая волна жара. — Демьян, левый пучок плечевого сплетения! Соединяй с верхним контуром сетки! Живо!

Старик действовал как одержимый — механический манипулятор мелькал с нечеловеческой скоростью, синий луч био-скальпеля рассекал обугленные ткани, вплавляя тончайшие серебряные волокна прямо в живые нервы юноши. Демьян хрипло дышал сквозь стиснутые зубы, будто боль передавалась и ему.

Когда мифриловое ядро коснулось обнажённой кости, сознание Ярослава качнулось — тело из всех сил рвалось провалиться в спасительную темноту обморока.

«Сдайся, — завывла Тень где-то в самой глубине, тонко и настойчиво, как визг несмазанного колеса. — Ты не выдержишь. Сердце разорвётся. Умри спокойно, хватит терпеть эту пытку».

— Заткнись, — беззвучно ответил Ярослав и вцепился в остатки сознания зубами, будто в канат над пропастью.

[ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ СОЗНАНИЯ] Эмоциональный отклик: ПОДАВЛЕН (0%) Контроль сердечного ритма: Принудительно (82 уд/мин) Синхронизация био-матрицы: 45%... 78%... 99%

[ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПЕРВОМАТЕРИИ: «МИФРИЛ»] Органическая ткань регенерирует в симбиозе с жидким металлом.

Из сияющего ядра брызнули тончайшие нити жидкого серебра — и они не просто прирастали, они прорастали сквозь кожу, вплетались в кости, сплетая новый каркас изнутри. Мышцы восстанавливались из наноструктурного био-геля, обрастая сверху матовыми, подвижными пластинами мифриловой брони. Ярослав чувствовал каждое волокно, каждую нить, как будто под кожей просыпался целый рой раскалённых игл — и заставлял себя не кричать.

На месте оторванной культи за считанные секунды выросла новая рука. Совершенная, анатомически безупречная, с матовым серебристым отливом и тонкими фиолетовыми руническими линиями, мерцающими в такт биению сердца.

Пальцы новой руки сжались в кулак с глухим, монолитным щелчком закалённого металла — и в этом звуке было что-то окончательное, будто захлопнулась дверь в прежнюю жизнь.

БАМ!

Тяжёлый удар снаружи сотряс корпус разбитого автожира. Металлическая обшивка прогнулась внутрь. В проломе показалась оскаленная морда — шлаковый пёс-мутант, ростом с крупного телёнка, с двумя рядами бритвенно-острых титановых зубов, вросших прямо в челюсть. Глаза твари были затянуты бельмами слепой, голодной ярости, а из пасти капала едкая кислотная слюна, шипя и дымясь на обшивке.

Сзади раздался ещё десяток хриплых, голодных рыков. Стая обступала разбитый аппарат со всех сторон.

— Нас разорвут! — Демьян вжался в угол, прижимая к груди остатки инструментов. — Их слишком много, парень! Даже с новой рукой ты не боец против стаи!

Ярослав медленно поднялся в полный рост, ещё покачиваясь после трансформации, но взгляд его уже был холоден и цепок. Пролом в фюзеляже — шириной ровно в одно тело зверя.

Значит, стая не сможет ударить всей массой сразу — только по одному, как в очереди. А новая рука выдержит куда больше, чем любая живая плоть.

— Демьян, держи повязку на ноге княжны, — ровным, ледяным тоном бросил он. — И не смотри.

Первый пёс с рёвом протиснулся в дыру, целясь клыками прямо в горло. Ярослав не отступил и не увернулся — сделал ровный шаг навстречу, и его новая мифриловая рука рассекла воздух со свистом, намертво сомкнувшись на верхней челюсти чудовища.

Хруст. Пальцы из живого металла вошли в кость и титан черепа без малейшего сопротивления, будто это было не живое существо, а кусок мягкой глины. Пёс даже не успел взвизгнуть — одним слитным движением Ярослав крутанул запястье, ломая шейные позвонки, и швырнул двухсоткилограммовую тушу обратно в пролом, сбив с ног двух следующих тварей.

[УНИЧТОЖЕН ОБЪЕКТ: Шлаковый пёс (Ранг 1)] Получено: +40 ЕХР Энергетический контур руки активен: 100 % Открыт боевой навык: [Кинетический Разряд]

Второй и третий псы рванулись следом, карабкаясь по телу сородича. Ярослав встретил их коротко и без лишнего размаха — удар левой ладонью в нос сбил одного с траектории, а мифриловая пятерня тут же сомкнулась на грудной клетке второго.

БУМ!

Из ладони вырвалась короткая дуга фиолетовой молнии, вобравшая остаточную плазму реактора. Внутренности пса выжгло изнутри в один миг — туша рухнула обугленным мешком, ещё дымясь.

Альфа-пёс, увидев, что прямая атака захлебнулась одна за другой, издал утробный рык и метнулся не вперёд, а вбок — вверх, на крышу автожира, целясь проломить верхний фонарь кабины прямо над раненой княжной.

Ярослав не стал ждать, пока обшивка рухнет ей на голову. Он схватил обломок приводного вала, полтора метра длиной, согнул его мифриловыми пальцами под острым углом, превращая в чудовищный гарпун, и с глухим выдохом метнул снизу вверх — сквозь потолочную переборку.

Металл прошил фюзеляж и вонзился точно под лопатку альфы. Сверху раздался короткий, захлёбывающийся хрип, и туша вожака с грохотом скатилась по обшивке на землю.

Оставшиеся три пса, потеряв вожака и столкнувшись с чем-то, что не поддавалось никакой звериной логике, с визгом бросились врассыпную по свалке.

Наступила тишина — плотная, звенящая, нарушаемая только шипением остывающего металла и тяжёлым, хриплым дыханием Демьяна.

Ярослав стоял на пороге пролома. Серебряная рука слабо дымилась, фиолетовые линии на ней медленно гасли, уходя в спящий режим. Одышки не было — только лёгкое, почти приятное гудение в мышцах, как после хорошей тренировки.

Демьян сидел на полу, открыв рот, боясь пошевелиться, и смотрел на него так, будто перед ним ожил древний бог из машинного зала.

— Ты... кто ты вообще такой... — просипел старик, и в голосе не было ни капли прежней насмешки.

Перед глазами Ярослава вспыхнула итоговая таблица.

[ИТОГИ БОЕВОГО СТОЛКНОВЕНИЯ] Уничтожена стая ранга «Пепел» (6 особей) Уровень повышен: 2 # 4 [РАЗУМ]: 13 # 15 [СИЛА (Правая рука)]: 28 (Эквивалент Титана) [ИНТЕГРАЦИЯ МИФРИЛА]: 100 % (Стабильно)

[ОСОБЫЙ СТАТУС]: «Симбиот Первоматерии» Ваше тело способно проводить ману без Источника через кристаллическую решётку протеза.

— Я тот, кто выжил, — просто ответил Ярослав, не оборачиваясь.

В этот момент из глубины кабины донёсся судорожный вздох.

Княжна очнулась.

Она приподнялась на локтях, морщась от слабости, и обвела взглядом кабину — трупы чудовищ, оторванную турель, старика-калеку в углу. Наконец её взгляд остановился на Ярославле.

Она увидела оборванного, худого юношу в лохмотьях низшего сословия, чьё правое плечо плавно переходило в произведение биомеханического искусства — руку из сияющего мифрила высшей пробы, на которой ещё дымилась кровь альфа-мутанта.

— Клан... Северских? — её голос, чистый и аристократичный, дрожал — то ли от боли, то ли от возмущения. — Ты... мусорщик? Ты трогал меня своими руками?

Ярослав молча подошёл и опустился на одно колено рядом с ней, так, что их лица оказались на расстоянии полуметра. Он смотрел прямо, без того привычного страха, что обычно читался в глазах простолюдинов перед дворянами, — и княжна невольно отпрянула, ударившись затылком о переборку.

— Я остановил твоё кровотечение. Я сохранил тебе ногу. И я только что убил стаю, которая разорвала бы тебя на куски, — сказал он ровно, без нажима, будто перечислял факты, а не требовал благодарности. — Твоё имя, княжна?

Она сглотнула, щёки вспыхнули — от возмущения и от чего-то ещё, странного, чему она пока не могла подобрать названия.

— Алёна. Алёна Разумовская, — выговорила она, сжимая кулаки. — И если ты думаешь, что спасение моей жизни даёт тебе право...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.